

ДАНИИЛ АЗАРОВ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ: СМЕРТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Даниил Азаров
**Предварительный
диагноз: смерть**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67749878
SelfPub; 2022*

Аннотация

История, собравшая почти миллион просмотров на Youtube – теперь на Литрес!

Странная смерть младшего брата приводит героя в обычный областной психоневрологический диспансер. Чем больше он начинает узнавать, тем глубже погружается в пучину мрака и безумия...

Содержит нецензурную брань.

Даниил Азаров

Предварительный диагноз: смерть

1

Я сидел в глубоком мягком кресле, словно созданном для моей задницы. Нет, правда, оно было настолько удобным, что я мог натянуть на него палатку и жить в своё удовольствие. Интересно, где они берут такие кресла? Я представил себе здание фабрики с вывеской «Мебель для дурдомов! Ваше удобство – наше спокойствие!» Мда, было бы смешно, если б не было так грустно. Вообще это логично – обстановка в таких местах должна быть максимально удобной и приятной для новых посетителей. Поэтому – толстый пушистый ковёр, массивные книжные шкафы по стенам, да лёгкий полумрак.

Вот я и сидел с комфортом, ожидая, пока хозяин кабинета изучит мои бумаги. Пускай смотрит, их достоверность обошлась мне в кругленькую сумму. Слегка за пятьдесят, рыжий, пышущий жизнью толстячок закончил читать и посмотрел вверх очков.

– Это удивительно, Михаил Сергеевич, первый раз за мою многолетнюю врачебную практику человек приходит и сам просит поместить его в психиатрическую лечебницу. Давай-

те отложим в сторону бездушную бумагу, расскажите о себе.

– Ну, – я поёрзал на стуле, – мне тридцать семь лет и последние пять я уверен, что страдаю какой-то странной формой сомнамбулизма.

– А с чего вы решили, что вообще подвержены этому, бесспорно, неприятному недугу?

– Сначала я стал просыпаться не там, где засыпал. На кухне, в туалете, иногда просто в коридоре. Но не придавал большого значения, потому что не видел в этом серьёзной проблемы.

– Что изменилось?

– Это начало повторяться чаще, а потом я вообще стал просыпаться на улице, без одежды. И, – теперь я сделал паузу, словно не решаясь, можно ли ему всё рассказать, как есть, – я не просто просыпался... иногда я был весь в крови, причём не своей.

– Очень любопытно, а в чьей?

– Да откуда я знаю! Вы что думаете, я бежал анализы делать? Надеюсь, что не в человеческой!

– Не горячитесь, Михаил. Вы обратились к специалисту в поликлинике по месту прописки, но он вам не помог.

– Прописал какую-то дрянь седативную, отчего я начал отрубаться прямо посреди дня. Толку никакого.

Врач кивнул.

– Потом вы обратились к платному специалисту, тоже безрезультатно, судя по всему. Вы рассказывали им об особен-

ностях, скажем так, ваших пробуждений?

– Нет, конечно!

Я добавил в голос паники.

– Чтобы они заявили в органы, и потом на меня списали всех убитых бомжей в округе?

– А были убийства?

– Я не знаю! – взорвался я – И не хочу знать, понимаете!

Рыжий толстяк снова кивнул, не обратив внимания на мою вспышку.

– А что же вы хотите от меня, дорогой Михаил Сергеевич?

– Мне необходимо полное обследование под постоянным контролем и наблюдением. И я слышал о ваших экспериментальных методах лечения, многие их не одобряют, но если они приносят плоды, то какая разница?

Я забросил наживку и замер в ожидании.

– Хм-м-м... Михаил Сергеевич, вы же понимаете, что в таком случае вам нужно будет подписать письменное согласие на госпитализацию, отказ от всех претензий и главное – согласие на любое медицинское вмешательство, которое сочтёт нужным ваш лечащий врач.

Да! Попался, отлично.

В тот же день меня оформили, забрали все личные вещи (а как без этого?), выдали серую пижамную одежду. Так началось моё очередное расследование.

Сама психиатрическая клиника находилась за городом, в перестроенном старом каменном форте, который охранял когда-то первые рубежи будущего промышленного мегаполиса и служил своеобразной таможней для проезжих купцов. Весь персонал жил в прилегающих рядом домиках, что было очень практично, учитывая удалённость больницы от города. И называлась очень нейтрально – Психоневрологический пансионат № 17. Почему 17? Понятия не имею, меня интересовало другое.

Примерно год назад сюда попал мой младший брат, Семён. Причиной тому послужил приступ белой горячки, до которого он допился в новогодние праздники. Однако по прошествии предписанных двадцати дней пребывания его не выписали, а наоборот, увеличили срок терапии ещё на две недели. А ещё через несколько дней он скоростижно скончался от сердечной недостаточности. У него хватало проблем со здоровьем, но сердце никогда не было одной из них. Мощности его мотора мог позавидовать любой грузовик, уж я это знал, как никто другой. Что было ещё более странным – пока жена Семёна приходила в себя от такого известия, оформляла документы и занималась всеми посмертными делами, его быстренько кремировали и, когда она смогла приехать за телом, выдали небольшую керамическую урну – Макаров С. Ю. Вот и всё. Был человек – нет человека.

При попытке устроить скандал ей показали подписанную братом медицинскую доверенность (очень занятный доку-

мент, поскольку не имел вообще никакой юридической силы и был рассчитан на таких вот простаков) и выдворили прочь.

Сам я давно уехал из родного Челябинска в Москву, где работал старшим консультантом по безопасности в крупной столичной компании, которая занималась частными расследованиями. Проще говоря, я был частным детективом. Естественно, все эти странности и нестыковки в смерти Семёна вызвали у меня массу вопросов. Ещё в Москве я начал собирать информацию и выяснил, что вообще смертность в этом заведении была значительно выше, чем в других клиниках подобного рода. И в основном это были пьяницы, забулдыги да прочий сброд, до которого было мало кому дела. Конечно, скажете вы, Челябинск, такой уж регион, такие люди... Но это был мой брат.

Я сделал себе все необходимые левые документы, справки, медицинские выписки о своём отменном здоровье, взял отпуск и сейчас бродил, любуясь затейливой сеткой трещин на стенах, в серой пижаме, по коридорам, выкрашенным в отвратительный голубой цвет. Меня определили на третий этаж, в крыло для «спокойных». А рыжий толстячок стал моим лечащим врачом, так как

«Случай, Михаил Сергеевич, очень интересный, не буду скрывать».

Охраняли наш покой дюжие молодцы в зелёной больничной униформе, три человека на весь этаж. Немного на десять палат, но на то мы и «спокойные». Вообще контингент

здесь был занятный. Всего на этаже проживало около тридцати человек. Довольно разношёрстная толпа всевозможных психических отклонений, собранных в одном месте. От наркоманов и самоубийц, помещённых сюда родственниками, до алкоголиков и действительно крепко поехавших персонажей, которые весь день могли провести, плясь в одну точку. Сейчас, днём, они все находились в главном просторном зале, занимаясь каждый своими делами. Складывали мозаики, читали кверху ногами журналы или смотрели большой пузатый телевизор, бывший тут со времён царя Гороха. Иногда к кому-то подходила медсестра и уводила в сопровождении охранника. Наверное, на процедуры. Я стоял чуть в стороне, изучая местный колорит, и прикидывал, с чего мне начать.

– А ты новенький тут небось?

Я обернулся на голос и увидел совершенно милейшую бабушку лет восьмидесяти в синем халате и белом чепчике. Перед ней стояло большое чёрное ведро на колёсиках, из которого торчала палка швабры.

– Новенький, – подтвердил я, – только сегодня оформился, Миша.

– О, как отца моего, покойного. Нина Михайловна я, местный клининг-менеджер! – она рассмеялась приятным бархатным смехом. – Не уборщица какая, имей в виду!

– Ни в коем случае, – улыбнулся я в ответ.

– А ты какими судьбами здесь? На пропойцу или дурачка не похож с виду... – она замолчала, явно ожидая ответа.

– Нервы ни к чёрту, Нина Михайловна, вот подлечить решил. У вас тут хорошо, природа вокруг, лес, тишина да покойствие. Почти санаторий.

– От ты ж странный, не мог поприличней места найти? – казалось, она искренне удивлена. – Санаторий, скажешь тоже. Курорт, ага!

– Так ведь дорого, где поприличней, цены безумные. Я узнавал в паре клиник, так там по десять тысяч в сутки, только проживание! А ещё лечение неизвестно сколько обойдётся. Я не сын миллиардера, Нина Михайловна, так что лучше по старинке, за государственный счёт.

– Вот что цены, то да, – согласно закивала старушка. – Давеча в город ездила, в магазин зашла. Дай, думаю, порадую себя, хлебушка куплю, бородинского. Очень я его люблю. Так что ты думаешь? Пятьдесят семь рублей за буханочку! Совсем уже с ума посходили!

Кто посходил с ума, она не уточнила, но этого и не требовалось. Бабушка попалась говорливая, что было мне на руку.

– Нина Михална, а вы давно тут работаете?

– Да уж почитай, – она прищурилась, вспоминая, – всю жизнь. В войну тут госпиталь был, я при нём санитаркой, девчонкой ещё совсем, даже школу не окончила. Потом уж курсы прошла медицинские, стала медсестрой. Ну и как-то осела тут. Здесь и мужа встретила, здесь и похоронила его.

По ее лицу пробежала лёгкая тень грусти. Нужно было срочно сменить тему, пока бабулька от расстройства не свер-

нула весь разговор.

– Так вы, Нина Михална, местный талисман, получается. Старожил старожиллов!

– Эт да-а-а-а, со мной даже Аркадий Степаныч, главврач наш, на вы здоровается.

– Уважает, – кивнул я, подбадривая её к дальнейшему разговору. – Как он, кстати? Хороший врач?

– Хороший, не смотри, что рыжий. Дотошный, ух! И день рождения мой никогда не забывает. Каждый год аккурат третьего июня цветочки дарит, а иногда и премию выпишет, мелочь, да приятно.

– А как врач?

– Что как врач?

– Ну, специалист хороший? Он, понимаете, сам дело моё взял, говорит, любопытный случай.

– Я же говорю тебе, дотошный! За кого взялся, обязательно до конца доведёт.

Интересная оговорка у бабушки. В амбулаторной выписке лечащим врачом моего брата тоже значился Аркадий Степанович. Уж довёл так довёл, до самого что ни на есть конца.

– Вы, наверное, и пациентов всех тут знаете?

– Ну, всех не всех, память-то уже сама не своя...

– И много Аркадий Степанович себе больных берёт?

Нина Михайловна хотела уже что-то ответить, затем как-то осеклась, взялась за швабру и пробурчала.

– Берёт и берёт, откель я знаю. Я ему не хозяйка. Вот за-

болтал ты меня, стою с тобой, лясы точу. А убираться кто будет?

Она отжала швабру, плюхнула её на пол. Размашистыми, отточенными годами движениями принялась мыть пожелтевший от времени линолеум. Судя по всему, разговор был окончен. Я пожал плечами и отправился в сторону общего зала.

– Слышь, Михал Сергеич, – мне, может, показалось, но в её тоне проскользнули извиняющиеся нотки.

– Да, Нина Михайловна? – как ни в чём не бывало обернулся я.

– У нас это, на обед сегодня котлеты будут, рыбные. Ток ты их не ешь. Местные привыкшие уже, а тебя скрутит, как пить дать. Весь туалет мне уделаешь, отмывай потом за тобой.

– Предупреждён – значит вооружён!

Я улыбнулся ей и пошёл дальше. Все-таки она извинялась.

3

Хотелось бы сказать, что день пролетел незаметно, но это не так. Время тут тянулось невыносимо медленно. До вечера я слонялся, не зная, чем себя занять. В итоге взял из стопки книг первую наугад, устроился на диване, возле окна, делая вид, что читаю. Я не исключал, что за мной наблюдают, и подпирать стенку с задумчивым видом было не лучшим для моей легенды.

Итак, я обзавёлся первым полезным знакомством. Уборщица явно что-то знала, но предпочитала помалкивать. Напугана? Возможно. Но чего бояться человеку в её возрасте? Тем более ей, которая прожила тут всю жизнь и уж навиделась наверняка всякого. Странно. Но реакция на расспросы о пациентах главврача сказала мне больше, чем если бы она действительно что-то ответила. Мои инстинкты меня не подвели. Я чуял запах.

Запах происходящего вокруг дерьма.

Стоило также прощупать окружающих нас санитаров. Не удивлюсь, если окажется, что подвязана большая часть персонала. Чем же они тут занимаются? Торгуют втихаря органами убиенных? Вряд ли. Кому нужны пропитые и прокуренные внутренности? Я как-то читал, что разные лаборатории с удовольствием скупают такой товар для экспериментов, но... Нет, бред. Это здесь точно ни при чём. В графе «мотив» пока придётся оставить пустое поле.

Теперь место.

В голове всплыл план здания.

Третий этаж, последний, где меня поселили, был выделен под спокойных пациентов. На втором располагалась большая часть процедурных кабинетов и кабинет главврача. Первый этаж вмещал в себя кухню со столовой для персонала, ещё несколько приёмных, складские и подсобные комнаты. Самыми интересными для меня были помещения на цокольном уровне. Если верить документам, в военные годы их

сильно увеличили. Углубили, расширили, и часть из них уходила даже за пределы тёмной, серой громады основного здания. По официальной версии там были палаты буйных и особо буйных пациентов, а также ещё некоторая часть процедурных кабинетов. Однако если приложить схему этой версии к послевоенным чертежам здания, то даже у не самых внимательных людей могли возникнуть вопросы. Например – а куда делась ещё половина пространства?

Я пока не знал точно, как туда попасть, но то, что это совершенно необходимо, было ясно как день. Возможно, придётся изображать приступ буйства, не зря же я упомянул кровь и беспмятство в личном деле, которое лежало сейчас в столе Аркадия Степановича. Не хотелось бы, конечно, но такой вариант я в сторону не отбрасывал.

Хотя... сильно не хотелось бы.

Сразу после ужина ко мне подошла медсестра и пригласила пройти в мою палату. Кстати, очень даже неплохую комнату с одной-единственной кроватью, зарешечённым окном, стулом, тумбочкой и такой же россыпью мелких трещин, протянувшихся млечным путём со светло-зелёных стен на потолок до самой двери. Им действительно стоило заняться ремонтом, пока краска не начала облетать с них цветной перхотью.

Там нас уже ждал вечно улыбающийся Аркадий Степанович.

– Ну, что? Как вам у нас? Осваиваетесь?

– Тип того, – ответил я, садясь на скрипучую кровать, – только адски скучно. Знал бы, книжек с собой набрал или кроссвордов.

– Сожалею, – он развёл руками, – но кроссворды вас бы не спасли. В пансионате запрещены любые колющие предметы в виде ручек и карандашей. А вот с книгами, может быть, смогу вам помочь. У меня довольно неплохая библиотека внизу, если подскажете что-нибудь конкретное, я посмотрю.

– Я бы не отказался от вечной классики. Дюма, «Граф Монте-Кристо», например.

Главврач расхохотался, оценив мою шутку.

– Хорошо, Михаил, думаю, если не её, то что-то ещё от Дюма я вам принесу. Однако теперь давайте обсудим процесс диагностики и вашего лечения, если вы не против.

Вопрос был риторический, но я всё же кивнул.

– Итак, мы начнём с наблюдений за вами и приёма нескольких препаратов. Не скрою, среди них есть и нелюбимые вами седативные, но зато никаких психотропов! Гарантирую, по крайней мере, пока что. Перед сном мы будем ставить вам мониторы мозговой и сердечной активности. Нужно изучить возбудимость вашего организма в процессе сна. Я связался со своими коллегами, которые указаны в ваших бумагах как наблюдающие врачи, и они подтвердили, что подобных исследований не проводилось.

Я мысленно выдохнул. Не зря угрохал столько денег в ле-

генду.

– Можно сказать, мы начнём с нуля. И по мере продвижения в диагностике и наблюдениях будем корректировать курс лечения. Видите ли, сомнамбулизм – это расстройство парасомнического спектра, которое в официальной психиатрии не имеет задокументированных случаев медикаментозного излечения. Так что нас с вами ждёт кропотливая и очень интересная работа!

Он потёр руки в предвкушении. Почти как муха в предвкушении очередной порции... ну вы поняли, чего. Затем посмотрел на часы.

– Через два часа у нас отбой, медсестра привезёт всё необходимое оборудование и медикаменты. Ну что же, – он встал, – у меня ещё несколько пациентов, завтра с утра я к вам зайду.

Уже у двери Аркадий Степанович обернулся и как бы невзначай сказал:

– Да и, забыл – во избежание эксцессов нам придётся вас зафиксировать ремнями. Ну, мало ли, вы соберётесь прогуляться. Палаты мы, конечно, запираем на ночь, но к вам будет подключено дорогостоящее оборудование, не хотелось бы его повредить. Это было бы крайне нежелательно, вы понимаете.

– Конечно, – кивнул я, – без проблем, доктор. Спасибо вам.

Я пока не горел желанием обзаводиться знакомствами

среди пациентов, поэтому остался в палате коротать время с книжкой, которую прихватил ещё днём. Естественно, мне было необходимо узнать, кто ещё из моих соседей проходит лечение у Аркадия Степановича. Но для начала надо было примелькаться, а потом уже задавать неудобные вопросы.

Примерно через полтора часа в палату зашла молодая медсестра, катя перед собой небольшой двухъярусный столик с кучей проводов и какими-то приборами. Приветливо улыбнувшись, она поставила столик у кровати, достала из кармана халата пластиковый стаканчик с крышкой и бутылочку воды.

– Ваши лекарства, Михаил Сергеевич. Примите их и ложитесь, я закреплю датчики.

Я послушно выпил горсть разноцветных таблеток и улёгся, откинув одеяло в сторону. Девушка воткнула приборы в розетки на противоположной стене. Тёмные экранчики моргнули, засветились каким-то зелёными символами. Она размотала пучки датчиков с нижней полки, расстегнула пижаму и прилепила на грудь прозрачные пластиковые кружки. Затем взяла с верхней некое подобие сетчатой шапочки с такими же присосками по краям и надела мне её на голову.

– Удобно?

– Честно говоря – нет, но какой у меня выбор?

Улыбнувшись, девушка взялась за кожаные манжеты, закреплённые на железном основании кровати.

– Будьте добры, положите руки по бокам и раздвиньте

чуть ноги.

– Скажите, а как вас зовут? А то вы меня уже к кровати пристёгиваете, а мы ещё даже не знакомы.

Медсестра не удержалась и хихикнула, но ничего не ответила. Закончив с моей фиксацией, поправила подушку и пошла на выход.

– Подождите! А если нос зачесется, мне что делать?

– Позовёте дежурную сестру! Всё, больной, спите.

Она погасила свет и закрыла за собой дверь.

4

Я лежал, прислушиваясь к звукам засыпающей психбольницы. Надо сказать, мне думалось, что всё будет более покиношному, наверное. Кто-то плачет перед сном, кто-то не хочет засыпать и зовёт... не знаю... маму, например. Но нет, ничего подобного. Ровно в десять вечера санитары захлопнули двери палат и всё. Скучно и неинтересно. Только спустя минут десять загремела ведром Нина Михайловна.

Моя первая ночь в дурке.

О сколько нам открытий чудных,

Готовит просвещенья дух...

Или как там было у классика?

Рядом мерно попискивали аппараты, к которым меня подключила симпатичная медсестра. Таблетки начали действовать, загоняя в лёгкую дрему. На большее они и не могли рассчитывать. Чтобы меня усыпить, нужны лекарства посе-

рѣзней. Или много алкоголя, как делал мой брат. Интересно, в палатах есть камеры? Почти наверняка, в любом случае рисковать не стоит. Я закрыл глаза, выровнял дыхание и «заснул».

Я слышал, как уборщица закончила мыть полы, как пришла ночная смена, обмениваясь новостями с коллегами, принимали дежурство новые санитары. Ближе к двенадцати, когда все наконец успокоились, я решил, что пора действовать. Привычно расслабился, ощутил слабые покалывания в руках и встал с кровати. Верхний прибор отрывисто пропищал несколько раз и успокоился. Забавно, он засѣк мой переход. Да и бог с ним. Я посмотрел на лежащего себя. Всѣ-таки к этому невозможно привыкнуть. К хождению сквозь стены – да, поднимать небольшие предметы полупрозрачными руками – тоже вполне приедается и входит в привычку, даже отсутствие нормального сна я давно уже воспринимал как само собой разумеющееся. Но смотреть на себя со стороны – никак. Если вы думаете, что это то же самое, что и отражение в зеркале, – то вообще нет, даже близко. И всегда вызывает неприятный озноб.

Синдром недержания души.

С такой милой особенностью я живу всю жизнь. Как и мой брат. Можно назвать это силой, можно проклятием, но бедные родители с нами намучились, не то слово. Представьте себе вроде как спящих детей и при этом абсолютный бедлам в квартире. Потому что поднимать маленькие, лёгкие пред-

меты мы научились довольно быстро. А вот спать в кровати, вернее, в собственном теле...

С этим всегда была проблема, потому что едва стоило немного задремать, как ты оказывался стоящим рядом со своим бесчувственным туловищем. И пока тело отдыхало, приходилось чем-то себя занимать. Первый раз я смог нормально поспать лет в двенадцать или тринадцать.

Это невозможно, мозг обязан отдыхать, без сна человек сходит с ума за несколько дней. Конечно, посмотрите на меня и расскажите это ещё раз. Хотя Семёну было тяжело. Если я научился спать при помощи психотренингов (иногда снотворное, каюсь), то мой младший брат нашёл гораздо более простой и приятный для него выход – алкоголь. Он, наверное, и был бы рад отправляться к Морфею после львиной дозы успокоительного, но его ничего не брало. Вообще. Да, он был гораздо сильнее, чем я. Эта энергия бурлила в нём, как в скороварке, постоянно пытаюсь найти выход наружу. Он гораздо раньше меня научился обращаться с предметами выходя из тела. И то – пока я в десять лет сосредоточенно пытался поднять конкретный спичечный коробок, мой брат в пять без труда жонглировал предметами по всей комнате. Возможно, та же энергия его и сожгла. Морально. Точнее выжгла.

Как-то нас подкараулила шпана из соседнего района, обычная история того времени: «Деньги есть? А если найдут?» Пресекая все мои попытки мирно выйти из конфлик-

та, они обступили полукругом и, заслонив младшего брата, я увидел его внезапно остекленевший взгляд. Из уха ленивой жирной змеёй начала выползать тёмно-бордовая кровь.

Он продолжал, как робот, отступать со мной назад, как вдруг один из гопников схватился за голову и заорал: «Глаза! Мои глаза!» Другой как-то странно всхлипнул и осел мешком на землю, не подавая признаков жизни. Конечно, остальные тут же разбежались кто куда. А мой брат улыбнулся. Самой жуткой в мире пластиковой улыбкой. Тем вечером я попытался поговорить с ним о том, что произошло, а он... Одиннадцатилетний мальчик посмотрел на меня, как на ребёнка, и очень тихо сказал: «Не надо тебе этого. Забудь».

С тех пор он изменился, стал более замкнутый и... злой.

Чуть позже прошёл слух, что первый так и остался слепым на всю жизнь, а второй превратился буквально в растение.

На выпускном вечере Семён надрался в стельку, а потом, утром, с восторженным перегаром рассказал мне, что смог наконец-то нормально поспать. Так и началась его дружба с «синим Морфеем». Нет, он не стал запойным алкоголиком. Нет. Работал, делал даже какие-то карьерные успехи, но для всех он был безнадёжным выпивохой. От моих попыток убедить его поехать со мной, в Москву, только с усмешкой отмахнулся.

Ты езжай, покоряй, а я пока тут посторожу.

Мне до сих пор кажется, что в алкоголе он нашёл не только способ заснуть, но и как-то усмирить бурлящую в нём си-

ду. Силу, которую он, вероятно, мог контролировать уже с трудом. Парадоксально, но если остальные пили, чтобы оторваться от реальности, то мой брат – чтобы в ней оставаться. А в итоге сгинул в окружной дурке. И в этом отчасти была и моя вина. Ведь я старший, я был обязан о нём заботиться. Но ничего, братишка, клянусь, я камня на камне тут не оставлю, пока не выясню, что с тобой произошло.

Я огляделся по сторонам, привыкая к иной обстановке. При выходе из тела, всё было немного по-другому. Одни цвета становились почти не различимы, зато другие вспыхивали неоновыми вывесками. Я видел следы, оставленные другими людьми, вплоть до отпечатков пальцев невооружённым взглядом. Вы наверняка слышали что-нибудь про ауры, так вот, да, они есть. Их цвет соответствовал характеру и настрою человека, от ярко-белых (таких я почти не встречал) до иссиня-чёрных (а вот такие, к сожалению, попадались чаще, чем хотелось бы).

Я снова вывел перед внутренним взором план здания. Хотя уходить от своего тела я мог максимум на сто метров, этого должно было хватить, чтобы проникнуть в кабинет Аркадия Степановича и покопаться в его бумагах. Наверняка что-нибудь интересное найдётся. Уже на полпути к двери бросил последний взгляд на пристёгнутое к кровати тело и замер, не веря своим глазам. Та самая паутинка трещин, которая протянулась по всей стене, сейчас мерцала ярким оранжевым светом. Более того, каждая струнка слегка подрагива-

ла, шевелилась и оживала на глазах. Вот несколько нижних отделились от стены и тонкими пульсирующими щупальцами обвили моё левое запястье чуть ниже кожного манжета. Слабое жжение заставило на автомате почесать полупрозрачную руку. Такого поворота событий я никак не ожидал. Подойдя поближе, наклонился, чтобы рассмотреть занятного паразита. Он меня пил! Я видел крохотные капельки крови, убежавшие вверх по этим оранжевым венам! Но это явно не было основной его целью, потому что вдобавок к этому я почувствовал лёгкую слабость и сонливость, что было вообще невозможно в состоянии только что совершённого перехода. Я мог устать, да, но ближе к утру или поднимая очень тяжёлые, громоздкие предметы. Эта дрянь вытягивала из меня энергию, факт. Но куда это уходит?

Я отошёл назад, окинул взглядом всю картину. Светящаяся плетёнка поднималась к потолку, доходила до дверного проёма и скрывалась где-то с другой стороны. В несколько шагов я очутился у двери, прошёл насквозь, оказавшись в полутёмном коридоре. Справа, возле лестницы вниз, за столом сидела дежурная медсестра и листала какой-то журнал. Парочка санитаров резалась в карты в общем зале отдыха. А оранжевая паутина пробежала дальше по потолку и уходила левее, в комнату с надписью «Только для персонала».

«Всё страньше и страньше».

Почти бегом я добрался до неё и скользнул внутрь. А там...

Там я увидел такое, от чего даже моя эфемерная шерсть на загровке встала дыбом. Утробно урча, как огромная кошка, на потолке раскинулась Нина Михайловна, старательно вылизывая длинным шершавым языком каждую светящуюся трещинку. Чепчик уборщицы свалился вниз, обнажив почти лысый серый череп с редкими пучками волос. Её милое старушечье лицо изменилось до неузнаваемости. Глаза превратились в два чёрных провала, а вся нижняя часть лица вытянулась и раздалась вширь, превращая челюсть в пасть, обрамлённую жирными зеленоватыми губами. Из-под распахнувшегося халата выглядывали костлявые худые ноги, которые теперь заканчивались уродливыми обрубками толстых пальцев с жёлтыми ногтями. Что же ты за тварь...

Я оглянулся на запертую дверь, ключ был в замке, отлично. Тихо повернул его ещё на один оборот, теперь нас точно никто не побеспокоит. Подошёл к свисающей с потолка бабутьке, схватился за болтающиеся полы халата...

Почём там, говоришь, хлебушек был?

И дёрнул со всей силы вниз.

Уборщица грохнулась на спину, зашипела, тут же вскочила, встав на четвереньках посреди комнаты. Перебирая сморщенными ладошками, она оглядывалась по сторонам, пытаясь понять, что нарушило её покой. Скользнула мимо меня взглядом, затем шумно втянула воздух носом, принюхиваясь. Вроде бы успокоившись, Нина Михайловна залезла на стену, с неё перебралась на потолок и приступила к пре-

рванному занятию. Только сейчас я понял, что ослабел ещё сильнее. Ну всё, пора с этим заканчивать. Я поднял за ножки стоявший рядом увесистый стул, размахнулся и ударил, целясь ей в голову. В последний момент она отпрыгнула в сторону, перехватив моё оружие одной рукой.

– Попался, беспокойный какой, – прошипела старуха, ощерив пасть в жутком оскале гнилых зубов. – Т'ала карс так'ка наул кин та! Давай посмотрим на тебя...

В следующую секунду светящаяся оранжевая сеть упала сверху, облепляя со всех сторон. Я закрутился на месте, стряхивая с себя приставучие липкие щупальца.

– Нове-е-е-енький – просипела Нина Михайловна, оказавшись внезапно возле меня. – Не-е-е зря я тебя приме-е-е-етила-а-а-а-а, любопы-ы-ы-ы-ытного такого.

Я стремительно терял силы, в голове зашумело, перед глазами всё поплыло. Продолжая яростно сбрасывать с себя светящиеся тонкие нити, я качнулся вперёд и упал на одно колено, успев упереться рукой в пол. Уборщица, по-паучьи расставив ноги и руки, присела рядом, словно любуясь моей агонией. У меня оставался последний шанс.

Рванувшись судорожно вперёд, я оказался вплотную к твари. Протянул бестелесную руку и погрузил её по локоть в грудь. Почувствовав в ладони трепыхание бабкиного сердца, я мстительно усмехнулся и сжал его в кулак, насколько оставалось сил.

Само по себе пребывание вне тела тратило определённую энергию, плюс воздействие с окружающими предметами могло вымотать меня до предела. В молодости, не научившись пока нормально спать, я купил себе в спортивном магазине гриф с блинами. Идея оказалась отличная. Мало того, что я учился поднимать нечто более тяжёлое, нежели ручки и монетки, так ещё на это уходила уйма сил, что позволяло мне наконец-то нормально заснуть. Забавное, наверное, было зрелище. Лежащий человек и прыгающая в воздухе штанга рядом.

Но то, что я сделал сейчас, не шло ни в какое сравнение с теми нагрузками. Из меня будто выдернули позвоночник. Какое-то время я лежал рядом с трупом уборщицы, приходя в себя и сбрасывая остатки проклятой оранжевой паутины.

Шатаясь, я с трудом поднялся, сделал несколько шагов. Затем буквально вывалился в коридор. В голове по-прежнему стоял гул взлетающего авиалайнера. К этому ещё добавились плавающие огромные цветные круги, превращавшие окружающую меня действительность в раскраску Дали. Кое-как доковыляв до палаты, я рухнул в тело, почти мгновенно отключившись.

Своё первое в жизни убийство я отметил не угрызениями совести, а отличным крепким сном.

Утром меня разбудили громкие голоса в коридоре, сопровождаемые суетливой беготнёй. Очевидно, уборщицу на-

шли. В двери щёлкнул замок, и вошла заплаканная медсестра. Я зевнул, небрежно поинтересовавшись, что случилось.

– Нина Михайловна, уборщица наша, умерла, – всхлипывая, ответила девушка. – Такая чудная старушка была. Говорят, сердечный приступ. Кошмар просто, вот так живёшь, живёшь и всё...

Она сняла с меня датчики, растегнула кожаные манжеты на руках и ногах. Я сел на кровати. Поморщившись, потянулся, терзая затёкшие суставы. Выглянул в коридор. Мимо двери прошёл санитар, толкая перед собой каталку с накрытым простынёй телом.

Туда тебе и дорога, старая сука.

Я обернулся на стену возле своей кровати, изучая затейливый узор из тоненьких трещин. Рефлекторно дотронулся до левой руки и вздрогнул от внезапной боли. Там, где эта оранжевая дрянь пила из меня жизнь, кожа покраснела, словно её чем-то сильно натёрли. Медсестра закончила собирать провода, уложила их обратно на столик.

– Посидите пока в палате, к вам скоро Аркадий Степанович зайдёт. Потом пойдёте на завтрак.

Ещё раз всхлипнула и ушла.

Я несколько раз прошёлся по палате, разминаясь. Отличная выдалась ночь – и убил, и поспал. Не скрою, мне всегда было интересно, могу ли я как-то воздействовать на внутренние органы выборочно, не затрагивая остальное тело. Вот и узнал. Однако дорогой ценой. Что могло случиться, если б

у меня не получилось вернуться и я отрубился прямо в коридоре, не хотелось даже думать. Я лёг обратно на кровать, стараясь на всякий случай держаться от стены подальше. Интересно, такие фокусы здесь каждую ночь или мне повезло попасть в график кормёжки?

Постучав в открытую дверь, зашёл главврач. Он был мрачен и заметно расстроен.

– Доброе утро, Михаил. Как спалось?

– Доброе, Аркадий Степанович, – я сел, – спасибо, неплохо, даже вроде выспался. А что тут у вас случилось? Медсестра сказала, с уборщицей что-то?

– Инфаркт у Нины Михайловны, – кивнул врач. – Милая женщина, всю жизнь клинике отдала.

Он рассеянно замолчал, затем словно вспомнил о моём присутствии, снова заговорил:

– У нас сегодня с вами должны были быть процедуры, но их придётся перенести. Родственников у Нины не осталось, поэтому я буду весь день занят оформлением и похоронами. Да, и что это у вас?

Аркадий Степанович взял мою левую руку, посмотрел на красное пятно у кисти.

– Похоже на аллергическую реакцию к препаратам. После завтрака зайдите к сестре, она обработает и наложит повязку. Всё, отдыхайте.

Он резко встал и вышел. Просто поразительно. Столько переживаний из-за обычной уборщицы. Обычной, ну да. Се-

годня же ночью загляну к вам в кабинет, не сомневайтесь.

Завтрак оказался на удивление сносным. Пшённая каша с парой кусочков бекона, вполне себе неплохой сыр, пара яблок и чай. Вообще, привыкнув к аскезе государственных медицинских учреждений, я был немного удивлён. Обстановка в больнице была на порядок выше даже многих столичных учреждений, что уж тут говорить про Челябинск, а тем более его пригород. Нормальная еда, нормальная мебель в палатах, даже развлечения в общем зале – всё это походило больше на какую-то американскую клинику, нежели на заштатный психоневрологический пансионат с госбюджетом в три рубля. Ещё один файл в папочку «Странное». Итого на второй день пребывания:

- бабка-упырь,
- светящиеся стены,
- очень переживательный главврач,
- финансирование всей богадельни.

В самых смелых предположениях я не мог себе представить такой результат всего за сутки.

После завтрака зашёл на пост к медсестре, показал руку. Она кивнула, нанесла какую-то мазь и перемотала бинтом. Привыкая к лёгкому жжению, я не торопясь пошёл в сторону общего зала, внимательно изучая витиеватые узоры трещинок, протянувшиеся по всему коридору. Они выползали из половины палат, перебирались на потолок, соединяясь в обширную сеть. Небольшой рукав уходил в сторону комна-

ты с надписью «Только для персонала», где я вчера устроил инфаркт милейшей Нине Михайловне, а основная часть исчезала где-то в районе общей лестницы.

Дойдя до зоны отдыха, снова уселся с книгой на диван, посматривая по сторонам в поисках первой жертвы. Под повязкой начало немного зудеть. Я автоматически почесал руку, оглядел ещё раз зал, и меня словно дёрнуло током. Примерно треть пациентов была с такими же повязками. У кого-то на руке, у кого-то на ноге. Сколько нас тут аллергиков собралось, просто удивительно. Ставлю свою годовую премию против банки с анализами, что все они пациенты Аркадия Степановича. Некоторые из них смотрели телевизор, кто-то бесцельно бродил, невнятно бормоча себе под нос. Я заметил краснолицего мужика, с виду вполне нормально, который сидел в одиночестве, методично собирая на столе пазл. Отложив книжку в сторону, зацепил первый свободный стул и подошёл к нему.

– Утро доброе, не помешаю?

Он поднял на меня взгляд, добродушно хмыкнул, кивнул головой на место рядом с собой.

– Отчего же, прошу к нашему шалашу.

Поставив стул со стороны кучки разноцветных квадратиков, сел, протянув ему руку.

– Михаил.

– Борис, – ответил мой новый знакомый, возвращаясь к поиску нужного кусочка картинки. – Вы же новенький? Я вас

вчера заметил, осваиваетесь?

– Ну, типа того. Непривычное всё-таки место.

– А мне нравится, – он хохотнул, – кормят неплохо, тихо, спокойно.

– А вы...

– Алкоголик, – закончил за меня Борис. – Доча, сучка, всё ждала, пока подохну, чтоб квартиру захватить, а я никак. Пил да пил, в своё удовольствие. Здоровье-то у меня лошадиное, полжизни на домне отпахал, пока жена не померла. Потому и запил, а остановиться уже не смог. О, вот ты где, гадёныш.

Он взял цветной фрагмент из разбросанной кучи и положил на нужное место.

– Радикальный метод, чтобы остановить запой...

Я нашёл следующий и подал ему.

– Да если б я сам! Говорю же, доча, сучка, сбagriла сюда, почитай почти месяц как. Даже не навестила ни разу, хату уже поди на себя переписала.

– Дети – цветы жизни на могиле родителей.

– Эт точно, – снова рассмеялся он. – А вы тут какими судьбами?

– Хожу по ночам.

– Как так? – от удивления Борис оторвался даже от поиска очередного кусочка картинки и посмотрел на меня.

– Ну вот так, заснуть могу в кровати, а проснуться на кухне или в коридоре. Или вообще на улице.

– Слышал про такое, но думал, выдумки, честно говоря.

Бывает же.

– Ага, меня поэтому сам главврач взял, говорит, интересный случай.

– Это Аркадий Степаныч штоль? Хороший мужик, тоже со мной возится. Даже вон, – он кивнул на коробку с пазлом, – картинки приносит иногда новые.

Ну просто врач года, куда ни глянь.

– Мне только таблетки прописал пока, сегодня должны были что-то делать, но ему уехать пришлось из-за того, что с уборщицей случилось.

– Вы про Михалну? Да-а-а, жаль, смешная бабулька была. Всё ругалась на меня, что по помытому хожу.

Борис сокрушённо покачал головой.

– Вот ведь судьба – помереть на работе, не позавидуешь. Я как представил, что в цеху у себя отъехал... мужики бы не поняли.

– А вы ночью ничего не слышали? Может, она помощь звала?

– Да какой там! Я сплю как убитый.

Я специально зевнул, прикрыв рот рукой.

– Я вот тоже вроде спал мёртвым сном, только всё равно не выспался. Разбитый весь какой-то проснулся.

Эффект зевка сработал, как всегда. Борис повторил за мной, да так сильно, что глаза немного заслезились.

– Такая же ерунда! Последнее время как ни проснусь, так словно лётку всю ночь пробивал на смене, аж вставать неохо-

та. Но Степаныч говорит, это... как же его... реакция организма на абстинентный синдром! Скоро пройдёт, короче.

Ну да, добрый доктор врать не будет. Почему-то я подзреваю, как именно это пройдёт.

– А это у вас что?

Я показал на забинтованное запястье.

– Да хрен его знает, аллергия какая-то, на таблетки.

Он снова мощно зевнул и отодвинул от себя собранную наполовину картинку.

– Пойду вздремну до обеда, глядишь, зевать перестану.

Борис встал.

– Ну а вам, Михаил, добро пожаловать, как говорится.

Хорошая беседа получилась, содержательная. Пока выходило, что «донорами» становились люди с достаточно крепким здоровьем. Или, судя по другим отчётам, которые я изучал ещё в Москве, одинокие алкоголики. Оранжевая дрянь высасывала энергию из них по ночам, заставляя страдать по утрам от упадка сил. И если даже я, у которого этой энергии хватало и на день, и на ночь, почувствовал себя не очень, то что же происходило с обычными людьми? Как сказал Борис? «Будто лётку всю ночь на смене пробивал». Хорошее сравнение, а учитывая, что он ушёл подремать в одиннадцать утра, вполне правдивое. И ещё более очевидно, что конец у всех доноров один – урна с инициалами. Я огляделся по сторонам в поисках нового собеседника, но тут в голову закралась шальная мысль. А что, если мне тоже сейчас прилечь,

«подремать»?

Ещё раз широко зевнул, забрал с дивана книжку и побрёл в свою палату. Хорошо, что у меня нет соседей, не приспичит кому-нибудь меня разбудить. Конечно, оставался небольшой риск, что зайдёт медсестра, но на то он и небольшой, чтобы можно было его игнорировать. Я растянулся на кровати, прикрыл лицо раскрытой книжкой и начал медитировать, погружаясь в лёгкую дрему. Несколько минут спустя я уже стоял возле себя. Светиться стена вроде бы не собиралась, так что можно было со спокойной душой отправляться на разведку. Выйдя в коридор, я дошёл до дежурного поста, заглянул внутрь и вздрогнул от неожиданности. Там сидела медсестра, которая этим утром плакала у меня в палате, но с ней всё было в порядке. А вот её соседка... Узкие щёлки глаз почти терялись между массивным покатым лбом и жирными, одутловатыми щеками, которые плавно переходили в плечи, скрываясь под больничным халатом. На месте носа зиял провал, а под ним растянулся широкий, полный острых зубов, рот. Нина Михайловна была пострашнее, но и этой я бы не дал приз зрительских симпатий. Она взяла листок с назначениями, положила на поднос, где уже стояли несколько стаканчиков с таблетками. Сказала что-то подруге и пошла разносить лекарства. Я проводил жабу взглядом, пока та не прошла мимо моей палаты и снова посмотрел на медсестру. Та, как ни в чём не бывало, заполняла что-то в больничном журнале. Очередное открытие меня порадовало – я могу ви-

деть этих тварей в состоянии перехода. Уже хорошо и значительно облегчало мне задачу в определении свой-чужой. В следующий раз только не забыть бы бейджик с именем прочитать. Ладно, идём дальше. Я спустился вниз по лестнице на второй этаж. Пошёл по коридору, заглядывая во все закрытые двери. И оборудование больницы поразило меня ещё больше. Я, конечно, не самый большой специалист в оснащении психиатрических пансионатов, но, по-моему, капсулы сенсорной депривации и отдельная «лаборатория сна» – уже перебор. Однако для меня это оказалось удачей. Потому что как раз из лаборатории я мог, в теории, добраться до цокольного этажа. Отличная новость. Уж лучше попроситься как-нибудь сюда, чем изображать буйство.

Дойдя до кабинета с табличкой «Главврач», я остановился у двери, борясь с искушением зайти внутрь. Скорее всего он уехал в город, заниматься делами покойной, как и говорил. Почему бы и нет, как минимум ознакомлюсь подробнее с обстановкой кабинета перед ночным визитом. Я подошёл ближе и услышал из-за двери приглушённый голос Аркадия Степановича. Голос был один, но явно с кем-то разговаривал, причём на повышенных тонах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.